

Армения между автократией и полиархией

В условиях крайней скудости природных ресурсов неизбежно формируется коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и госслужащих. Президентская власть — лишь часть этой системы | **АЛЕКСАНДР ИСКАНДРЯН**

Чтобы разобраться в специфике политической системы Армении, необходимо обратиться к истории возникновения как ее формальной части, так и в особенности неформальной — институтов, механизмов, субститутов. Политическая система Армении складывалась в условиях, сильно отличавшихся от «нормальных» постсоветских стран¹. Между постсоветскими республиками существуют объективные различия, связанные с размером их территории, местоположением, составом населения, наличием или отсутствием энергоносителей, культурой населяющих их народов, но Армения резко отличалась от большинства других постсоветских стран еще одним, особым обстоятельством².

Это обстоятельство — карабахский конфликт, который в значительной мере обусловил многие особенности внутренней и внешней политики современной Армении. Формально являющийся для Армении внешним, фактор Карабаха — эксклава, населенного армянами, который входил в состав Советского Азербайджана, — стал генератором армянской независимости. Кроме Армении, из всех постсоветских стран, пожалуй, только у Азербайджана катализатором движения

к независимости выступила не «борьба с тоталитаризмом» или стремление к освобождению от имперской зависимости, а территориальный конфликт. Другие постсоветские страны получили независимость либо в результате целенаправленной борьбы именно за независимость от московского центра и советского правления (как страны Балтии), либо вследствие распада СССР, который был для них (например, для стран Центральной Азии) внешним процессом, не имевшим никакого отношения к их внутривнутриполитическому развитию.

Этнополитические конфликты сотрясали все постсоветское пространство, но абхазский и приднестровский, югоосетинский и даже отчасти чеченский конфликты были скорее реакцией этнических меньшинств бывших союзных республик на движение этих территорий к независимости. Во всяком случае, ни в Грузии, ни в Молдове, ни в России эти конфликты не были побудительным стимулом к борьбе за собственную государственность. В случае же Армении (и Азербайджана) именно карабахский конфликт дал толчок к строительству идеологии национальной независимости. Борьба за территориальное воссоединение армян Армении и

Карабах предшествовала движению за независимость, а не наоборот³. В Армении еще с 1988 года территориальная проблема была первичной, именно ее пытались решить лидеры карабахского движения — фактически первого массового оппозиционного движения в СССР. Вектор противостояния был направлен не на Москву, а на Баку.

В этом смысле задачи, стоявшие перед лидерами армянской революции 1988—1991 годов, в каком-то смысле сходны с задачами Бисмарка по объединению Германии во вто-

массовых митингах в Ереване конца восьмидесятых несли плакаты: «Ленин, партия, Горбачёв!» При очевидном неверии в какие бы то ни было коммунистические лозунги митинговые лидеры пытались использовать остатки уже мертвой идеологии для достижения главной цели.

Эта попытка была конечно же изначально обречена на провал. Само по себе выдвижение требований без санкции сверху (да еще такими методами, как демонстрации, митинги и петиции), формирование обще-

“Карабахская проблема стала центром армянской политической идентичности. Идея борьбы за Карабах стала идеей независимого армянского государства”.

рой половине XIX века или с итальянским Рисорджименто. Соответственно, армянская революция в корне отличалась от демократических революций в Восточной Европе или борьбы балтийских стран с советским колониализмом. В этих терминах карабахское движение в Армении — скорее национально-освободительное, даже ирредентистское, нежели демократическое.

Ирредентистский характер движения, развернувшегося в Армении в конце 1990-х, сказался не только на генезисе армянской постсоветской революции, но и на ее характере. Движение за воссоединение Армянской ССР с населенной армянами автономией в Азербайджанской ССР поначалу даже демонстрировало особую лояльность московским властям. Оно ни в коей мере не посягало на основы советского режима. Фактически его лидеры пытались воспользоваться зазором, который открывался, с одной стороны, благодаря политике гласности, а с другой — благодаря нарастающей слабости советского государства, терявшего уверенность в себе и способность перейти к массовым репрессиям в случае неподчинения. Демонстранты на

своих организациях или инициирование референдума как инструмента политики, наконец, стремление к «самостийным» административно-территориальным изменениям, исходящее «снизу», — все это ясно показывало центральной московской власти, что карабахское движение в Армении глубоко враждебно замыслу тогдашних архитекторов перестройки: они имели в виду сохранить единый Союз, пусть и в реформированном виде. Хотя организаторы карабахского движения на том этапе не выдвигали никаких реформаторских или демократических лозунгов, задача переподчинения Карабаху Армении, как и выдвигавшиеся в первые годы армянской революции методы борьбы за ее осуществление, на практике имели значительную демократическую составляющую. Таким образом, целью движения была ирредента, средством же выступало народное волеизъявление.

Тогдашние митинги дали чрезвычайно важный импульс дальнейшему развитию политической системы. Многомесячные миллионные демонстрации заложили основу культуры массовых уличных протестов, которая

сохраняется в Армении и поныне. Общество получило опыт смены власти пусть и революционными, но демократическими методами. Первое некоммунистическое правительство Армении было сформировано еще в 1990 году, примерно за год до августовского путча. Армения не голосовала на референдуме марта 1991-го о сохранении СССР и в марте того же 1991-го начала юридическую процедуру выхода из состава СССР. Практически все взрослое население нынешней Армении помнит о том опыте успешной уличной активности. Видимо, не в последнюю очередь именно эта митинговая культура позволила Армении в своей дальнейшей постсоветской истории избежать военных переворотов и гражданских войн, столь характерных для региона.

Тот факт, что борьба за Карабах изначально воспринималась как цель и осознанный выбор народа, а демократия — как метод осуществления этой цели, несомненно, наложил отпечаток на развитие постсоветской политической системы Армении. Когда к весне 1991 года лидерами карабахского движения была вполне осознана невозможность ирреденты в рамках СССР, они взяли курс на независимость от СССР — не как самоцель, а как способ получить Карабах. Фактически это была попытка решить проблему другими средствами. Методами борьбы за Карабах стали апелляции не к ЦК КПСС, а к мировому сообществу. Риторика социалистическая превратилась в риторику демократическую. При этом цель — территориальная ирредента — оставалась неизменной.

Однако в результате того, что флагом карабахского движения стала борьба за независимость, сама по себе карабахская проблема перестала быть просто территориальной или даже проблемой культурного и физического выживания части этноса — она стала центром армянской политической идентичности как таковой. Идея борьбы за Карабах стала идеей независимого армянского государства.

Экономические элиты

Методы борьбы за Карабах вскоре снова сменились. Период апелляций оказался очень коротким: к осени 1991-го, спустя всего два-три года с начала карабахского движения, эскалация конфликта достигла стадии войны. Эта война, длившаяся более трех лет и завершившаяся победой Армении, привела к поистине тектоническим сдвигам и в армянском социуме, и в формирующейся политической системе молодого армянского государства, и в его внешней политике.

Поскольку движущей силой строительства армянского государства было карабахское движение, путь к независимости и путь к войне были пройдены одновременно. Армянское государство, практически с момента его возникновения и вплоть до заключения соглашения о прекращении огня в 1994 году, строилось, исходя из потребностей карабахского фронта. Армия стала одним из главных, если не главным государствообразующим фактором.

По окончании войны сформировалась корпорация «ветеранов» — она состояла преимущественно из молодых людей, ушедших в начале 1990-х добровольцами воевать в Карабах. В целом в войне так или иначе принимала участие значительная часть мужского населения Армении, но собственно «ветеранов» в том смысле, в котором это слово употребляется здесь, — скорее тысячи, чем десятки тысяч. По социальному происхождению разброс между ними довольно велик. Однако военный опыт превратил бывших боевиков в своего рода касту — людей, объединенных боевым братством, четырьмя годами окопов, совместной победой и чувством особой заслуги перед своей страной.

Казалось бы, ситуация для третьего мира обыкновенная. Армия, постоянно вмешивающаяся в политику, типична для стран с неразвитой демократией. Классическим примером является Турция. Однако в случае

Турции, да и многих африканских и латиноамериканских государств армия, встроившись в политику, превратилась в некую политическую элиту. Среди военных идет тщательный отбор, существует даже особая система их воспитания и образования, культивируется специфическая корпоративная этика. В некоторых странах офицерство фактически передается по наследству, превращаясь в своего рода «аристократию». И самое главное, доходы военных, достаточно высокие по местным стандартам, обеспечиваются непосредственно армией, которая, в свою очередь, паразитирует на государстве.

В Армении развитию такого сценария препятствовали два фактора. Во-первых, это явление было для нее совершенно новым — кастовая психология новой военной формации не успела вполне сложиться за четыре года войны. Во-вторых, нищему постсоветскому государству, к тому же истощенному военными расходами, было не по карману содержать ветеранов Карабаха на том уровне, на который они претендовали. Вместо денег власть раздавала ветеранам преференции, в первую очередь в бизнесе. Собственно, вернувшись с войны, корпорация «ветеранов» в значительной мере сама и стала властью. В известной степени именно военные были движущей силой «мягкого переворота» 1998 года, когда первый президент Армении Левон Тер-Петросян был практически принужден подать в отставку под давлением группы высших руководителей, мотором которых был тогдашний министр обороны, легендарный герой карабахской войны Вагген Саргсян.

Задача послевоенных преференций привела к тому, что в руках ветеранов оказались различные виды бизнеса, отчего в Армении довольно быстро сложилось нечто вроде системы феодальных ленов⁴. Экономика осталась рыночной, однако одним из факторов экономической конкуренции стал

вес того или иного бизнесмена в иерархии «военного капитализма». В новой системе бизнесмен должен был либо принадлежать к когорте местных «ветеранов», либо вступить в нее, как только его бизнес становился крупным по местным масштабам (в провинции таковым мог считаться небольшой завод или даже ресторан). Причем в данном контексте речь идет не об отмывании денег, торговле оружием или наркотиками, а в первую очередь о вполне законных видах бизнеса.

При таком укладе экономическая власть становится в значительной мере функцией консенсуса между членами квазифеодальной формации, де-факто исполняющими роль регуляторов экономики. В постсоветских странах подобные фигуры принято называть олигархами; в Армении, учитывая малый размер ее экономики, статус олигарха в общественном восприятии мог получить бизнесмен, по российским масштабам довольно мелкий.

Впрочем, к началу нового тысячелетия поколение «ветеранов» начало уходить в прошлое, и сегодня в армянской экономике наблюдается новая динамика. Поскольку война закончилась более полутора десятилетий назад, каста «ветеранов» уже не пополняется свежими силами с боевым прошлым и постепенно превращается в обыкновенное сообщество бизнесменов. Условием «допуска» в бизнес становятся не боевые заслуги, а способность добиваться успеха в складывающейся экономической реальности. В среднем и низшем уровнях экономических элит произошла смена поколений: они состоят из людей, которые выросли в совершенно других условиях — после достижения независимости и войны.

Политический класс

Армянская политическая элита изначально также формировалась из достаточно узкого круга людей — интеллигентов, пришедших к

власти во время революции 1988–1990 годов. Армянскую постсоветскую революцию называли «революцией математиков». Идеологи и лидеры карабахского движения, из чьих рядов главным образом выдвинулось первое руководство независимой Армении, принадлежали к оппозиционно настроенной интеллигенции. В условиях политического кризиса именно интеллигенция сумела сыграть роль генератора сопротивления, создателя идеологий, механизмов и технологий для разрушения закостеневших структур советской власти, совершенно не приспособленных к решению проблем типа карабахской.

потребности военно-промышленного комплекса. Внутреннее воспроизводство этого слоя полностью прекратилось с падением СССР, когда не стало питавшей его почвы в виде единого советского ВПК. В какой-то мере привилегированные и обласканные властью работники НИИ лишились и работы, и социального статуса. Интеллигенция в одночасье обнищала, многие эмигрировали, оставшиеся в значительной мере маргинализировались. После коллапса экономики советского типа исчезла и потребность в таком количестве интеллигентов. В отличие от советской, новая экономическая система

“Каста «ветеранов» уже не пополняется свежими силами с боевым прошлым и постепенно превращается в обыкновенное сообщество бизнесменов”.

Сразу после революции 1988–1991 годов советские элиты в Армении были отстранены от власти на общегосударственном и, в огромной степени, на местном уровнях; в СНГ нечто аналогичное произошло только в Грузии, но позже, уже при Михаиле Саакашвили. Системы, действующие в России, Молдове, Азербайджане и даже на Украине, не говоря уже о Центральной Азии, в которых огромную роль играют советские элиты вроде силовиков, младшей партноменклатуры и т. п., абсолютно нехарактерны для армянского политического ландшафта.

Впрочем, слой, породивший политическую элиту Армении, был продуктом советской эпохи, побочным эффектом индустриализации и развития фундаментальной науки в СССР. Советская Армения была достаточно наукоемкой республикой. Либерально настроенные революционеры, ораторы и харизматические лидеры вышли из многочисленных армянских НИИ советского времени, существовавших на государственных заказах и в основном обслуживавших

не может позволить себе такую роскошь, хотя в армянском обществе и поныне сохраняется представление, что детям необходимо дать высшее образование, а это приводит к искажениям и в образовательной системе, и в структуре общества.

Примерно до конца 1990-х годов политический класс Армении по инерции формировался из среды либеральной интеллигенции. Для нужд государственного строительства все больше требовались не идеологи, а чиновники — не склонные к фронде, готовые принимать реальность, а не конструировать новую; исполнители без ораторских способностей и революционного прошлого. Формирующийся в Армении олигархический режим не может не отторгать интеллигентов первого поколения политической элиты. В каждом следующем правительстве интеллигентов-революционеров первой волны становилось все меньше. Человеческий материал, из которого вербуются новая элита независимой Армении, совершенно другой. Интеллектуалов начали заменять технократы, гораздо

более адекватные складывающейся реальности новой Армении — страны с архаизированной экономикой, слабыми политическими институтами и гипертрофированной персонализацией политических структур. В настоящее время средние управленческие слои в Армении уже оформляются в некую политическую касту, впрочем, пока еще достаточно гибкую в части рекрутирования в свою среду новых членов.

Политизированная интеллигенция продолжает сопротивляться процессу вытеснения ее из власти. Немногочисленные оппозиционеры еще остаются в парламенте, но реального влияния на идущий там процесс «дележки пирога» оказывать не могут. В результате они фактически вытеснены из политической жизни и, по меткому выражению одного из армянских политологов, играют в нем роль библейских пророков, призывая политиков к тому, чтобы те «не убивали», «не крали» и «не прелюбодействовали».

Если в период правления первого постсоветского поколения армянской элиты общество консолидировалось вокруг власти, то с окончанием карабахской войны кончилась и консолидация. Низкий уровень жизни и отсутствие экономических перспектив вели к пауперизации и, соответственно, радикализации населения. Уже к середине 1990-х годов в Армении наблюдалось катастрофическое отчуждение власти от народа и особенно от интеллигенции, к тому времени уже в значительной мере маргинализованной.

Противостояние власти часто принимает радикальный характер, митинговая активность достаточно велика, но в реальности политическая оппозиция оказывает незначительное влияние на процесс государственного управления. Номинально в стране существуют демократические институты (многопартийность, свобода слова и т. п.), но в действительности складывается олигархическая система политической власти⁵. Это создает

существенное напряжение, которое ослабляет внутреннюю легитимность каждого правительства, однако пока «партия власти» успешно манипулирует общественным мнением, например во время выборов.

Нынешняя армянская оппозиция — в основном внепарламентская, ее формализованным социальным центром является Армянский национальный конгресс во главе со смещенным в 1998 году первым президентом Армении Леоном Тер-Петросяном. Маргинализованная интеллигенция, входящая в состав оппозиции, использует те демократические инструменты, которые обеспечивали ей успех в прежние времена: митинги, демонстрации, акции протеста, неприятие предложенных правил игры⁶. Однако в новой реальности эти инструменты работают плохо, свидетельством чего стали события весны 2008 года. Тогда после президентских выборов массовые митинги впервые в независимой Армении переросли в беспорядки; власть, не готовая к такому развитию событий, отреагировала на него совершенно неадекватно, следствием чего стали жертвы, аресты и углубившийся раскол общества.

Парламент

Война и блокада усугубили последствия полного коллапса советской экономики, привели к обнищанию народа и страны в целом. Поскольку война завершилась не мирным соглашением, а лишь прекращением огня и формально продолжается по сей день, Армения вынуждена была продолжать содержать мощную армию, что истощало ее и без того ограниченные экономические возможности. При этом экономика новой Армении, страны, не имеющей существенных запасов природных ресурсов, формировалась почти с нуля, от самых примитивных форм хозяйствования и торговли. Бизнес развивался «снизу», от лотков и семейных предприятий.

Сама по себе бедность страны способствовала тому, что бизнес и политика оказались

тесно переплетены друг с другом. Выйдя на уровень крупного по местным масштабам бизнеса, встроившись в систему «ветеранских» отношений, представитель новой армянской экономики оказывается в очень тесной конкурентной среде, где ресурсов мало, каналы для экспорта и импорта крайне ограничены, а рынок узок. Бизнесмены вынуждены все время искать консенсус между собой, и наиболее подходящим для этого механизмом оказывается государство. Постоянный мучительный процесс дележки довольно маленького пирога, распределение зон влияния, лицензий и доступа к ресурсам происходит непосредственно в

потребность в коалиции была минимальной. Однако в систему коалиции встроены еще две партии, одна средняя и одна миноритарная — «Прцветающая Армения» и «Страна законности», имеющие соответственно 26 и 8 мест в парламенте. И та и другая — типичные партии одного лидера, без выраженной идеологии; при этом во главе «Прцветающей Армении» стоит крупнейший бизнесмен страны, а во главе «Страны законности» — типичный представитель нового политического класса, своего рода «политический бизнесмен».

Из парламентских партий лишь партия «Дашнакцутюн» (Армянская революционная

“Поскольку война завершилась не мирным соглашением, а лишь прекращением огня, Армения вынуждена была продолжать содержать мощную армию”.

сфере внутренней политики Армении. Таким образом, бизнесмены постепенно стали важными игроками на политическом поле.

При этом политические партии в Армении пока не сформировались. В основном они представляют собой довольно аморфные объединения групп социально активных людей, добивающихся своих карьерных целей; лоббистские структуры; электоральные механизмы или профсоюзы аппаратчиков. Отсюда и характерные для Армении размытые партийные идеологии, отсутствие реальных партийных программ, ориентация на личность, а не на конкретные задачи и пр.

Так, в нынешнем парламенте Армении, который был избран в 2007 году, представлено пять партий. Правящая Республиканская партия представляет собой характерную для постсоветских стран партию (или профсоюз) чиновников и аффилированных с ними бизнесменов, выступающую как механизм карьерного лифта для социально активных молодых людей. У нее 63 из 131 места в парламенте, то есть почти достаточно, чтобы

федерация), созданная еще в конце XIX века, не является персонифицированной клиентелой. Впрочем, ее платформа представляет собой скорее не идеологическую программу, а некий набор ценностных установок, в который по сугубо историческим причинам входит и националистическая, и социалистическая компонента. У «Дашнакцутюна» в армянском парламенте 16 мест, притом что эта партия имеет и финансовые, и медийные, и человеческие ресурсы для более широкой политической борьбы. Однако для этого она должна выйти за пределы своего традиционного националистического электората и охватить более широкие массы. Но это потребовало бы смены — или как минимум размытия — ее ценностной платформы, что резко ударило бы по поддержке «Дашнакцутюн» вне пределов Армении, в армянской диаспоре, где как раз и формируются источники ее финансовых, медийных и человеческих ресурсов.

Характерно, что сразу после избрания нынешнего парламента партия «Дашнакцутюн» также входила в состав правящей коа-

лиции и вышла из нее лишь после того, как республиканцы начали процесс нормализации армяно-турецких отношений, то есть по вполне идеологическим причинам.

Собственно оппозицию представляет в парламенте лишь «Наследие», самая миноритарная парламентская партия, у которой в армянской легислатуре всего семь мест. Впрочем, и у этой партии нет сколько-нибудь отчетливой идеологической платформы; в ее основе лежит неприятие нынешней политической системы в целом — в чистом виде социальный протест.

Таким образом, партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, будь то крестьяне или мелкие бизнесмены, пенсионеры или средний класс, в Армении еще нет. Общество еще не выработало той политической культуры, в которой осознается необходимость организованного представительства интересов в законодательном собрании.

Фактически на политическом поле действуют не партии, а элитные группы, в первую очередь бизнес-группы, и законодательное собрание постепенно становится полем для представительства экономических интересов. На предпоследних и последних выборах в парламент прошло значительное число бизнесменов. Теперь, в отличие от раннего периода независимости, баталии в армянском парламенте происходят не между сторонниками либерализма или христианской демократии, социальной или рыночной экономики, а между представителями различных бизнес-групп.

Полиархия

Политическую систему, которая складывается в Армении, нельзя назвать полностью авторитарной. В условиях крайней скудости природных ресурсов, в частности энергоносителей, государство не имеет возможности раздавать натуральную ренту; бизнесмены должны заработать деньги, заключая между собой соглашения о разделе зон влияния, и

только потом их можно обложить налогом, будь то официальным или «серым».

Естественным итогом такого процесса становится коалиция. Это коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и государственных служащих, многочисленных лобби экспортеров и импортеров. Президентская власть — лишь часть этой системы, хотя и очень крупная. И парламент, и правительство в такой системе неизбежно оказываются коалиционными. Это происходит и на формальном уровне: в Армении уже сложилась традиция формирования коалиционного правительства, даже когда в этом нет политической необходимости, а заведомо за бортом коалиции остается лишь партия «Наследие», представляющая собой оппозиционный «реликт». Сама по себе правящая Республиканская партия также представляет собой, по существу, систему коалиции различных элитных групп.

В общественном дискурсе в самой Армении, особенно в оппозиционной среде, ситуация воспринимается в совершенно ином ключе⁷. Принято считать, что вопрос о передаче власти решается внутри правящей партии задолго до выборов, а член коалиции партия «Прорывающая Армения» — не более чем «вторая колонна», которую перед выборами выделила из себя Республиканская партия, чтобы симулировать конкуренцию на потребу собственному народу и мировому сообществу. Армянское общество не считает, что различные группы внутри номенклатуры конкурируют друг с другом; на них смотрят как на представителей одной и той же группы, передающих друг другу эстафету с целью остаться у власти. Такое восприятие отражает не отсутствие конкуренции в армянской политике, а другую, существенную ее особенность: группы внутри армянской элиты (или номенклатуры) борются за власть между собой, а широкие массы населения в этой борьбе служат лишь инструментом. Конкуренция в

армянской политике, конечно, есть, и весьма острая, — представители различных бизнес-групп в парламенте перманентно вступают в союзы и расходятся, борются за влияние и переходят из одного лагеря в другой. Но это конкуренция за ресурсы, предпочтения, влияние на политическую, а следовательно, и экономическую жизнь, то есть элитная борьба, в которой народ выступает в роли инструмента.

Такая система кажется ее участникам достаточно устойчивой; в нынешнем парламенте осталась лишь горстка депутатов-оппозиционеров, не признающих ее легитимной. Однако главный элемент неустойчивости заложен в самом устройстве политической системы — в том, что политика остается почти исключительно делом элитных групп, а более широкие массы включаются в нее практически только во время выборов, которые в результате превращаются в своего рода стихийное бедствие.

При всем том, по сравнению с полным авторитаризмом, нынешний парламент, в котором представлен крупный бизнес, можно считать прообразом представительства групп, просто пока эти группы очень узкие. Владелец крупного предприятия вполне способен мобилизовать для голосования, скажем, своих наемных работников и членов их семей. Последние понимают, что смена власти может привести к смене хозяина, а поскольку в крупном бизнесе доступ к лицензиям и «режим благоприятствования» в налоговой сфере связан с лояльностью системе, а нередко и с непосредственным участием в работе ее органов (парламенте, госадминистрации или местном самоуправлении), то смена власти может грозить им потерей работы. Но возможности бизнесменов влиять на электоральные предпочтения тем не менее ограничены: вывести на улицы или к урнам для голосования социальную группу они не могут.

Процесс развития в сторону институционализации бизнеса, отделения его от политики

и, что не менее важно, отделения политики от бизнеса может занять много времени и к тому же в любой момент может быть нарушен. Для его успеха потребуются длительный период экономического роста, взросления бизнеса, выход его из состояния корпоративности с параллельным становлением элементов гражданского общества. Чем дальше в прошлое уходит война, тем больше надежд можно возлагать на экономическое развитие, появление среднего класса и упрочение государства как такового. Пока же сцепка «чиновник — законодатель — предприниматель» создает ситуацию «бифуркационного зстоя», когда власть может устойчиво воспроизводить себя, не прибегая к массовым репрессиям, однако это — не власть народа, а власть политиков.

Внешняя политика

Карабах и поныне остается важнейшим фактором в политической жизни Армении. В вопросах, касающихся собственно статуса и будущего Нагорного Карабаха, Армения вынуждена считаться с самим Карабахом, притом что почти во всех остальных сферах жизни Карабах практически полностью зависит от Еревана.

В самом Ереване действует нечто вроде «карабахского лобби». Название условное, речь не идет об субэтническом представительстве — среди этих людей есть и армяне из Армении, отстаивающие в Ереване интересы Карабаха. Естественно, подобные структуры не оформлены, но от этого их влияние не становится меньше. Особенно отчетливо это сказывается на внешней политике. Проблемы, связанные с Карабахом — ведение переговоров об урегулировании карабахского конфликта, отношения с Азербайджаном и так далее, — образуют отдельный, очень важный сектор армянской внешней политики. И карабахское лобби, и «ветераны» представляют в этом секторе консервативную тенденцию. Нынешний статус-кво, то есть ситуация «замо-

рожденного навеки» конфликта, представляется им достаточно стабильной и их вполне устраивает (во всяком случае, на серьезные уступки они не готовы). Статус-кво означает, что сохраняется уверенность в боеспособности армии и, следовательно, в достаточной военной защищенности. Соответственно, целью этих сил является консервация нынешних обстоятельств. Лозунг «ни пяди земли», в Карабахе популярный изначально, за последние пару лет стал одним из центральных внутренних дискурсов в Армении.

Именно карабахским конфликтом определяется приоритет отношений с Россией во внешней политике. Между Арменией и Азербайджаном идет гонка вооружений, для которой Азербайджан использует доходы от продажи нефти. У Армении подобных доходов нет, и льготные поставки вооружения из России, а также наличие зонтика безопасности в виде ОДКБ и поставок вооружений по льготным ценам — основной военный ресурс Армении в конфликте⁸.

При этом Армения не находится целиком под влиянием России во всех сферах жизни. В торговом балансе главным партнером Армении является Германия. Политическое

сотрудничество Армении с европейскими и, шире, западными структурами, от Совета Европы или НАТО до программы ЕС «Восточное партнерство», по своему формату и уровню институционализации такое же, как у ее соседей по Южному Кавказу. Но в сфере безопасности сотрудничество с Россией безальтернативно, что прекрасно осознается армянским руководством. Любые проекты интеграции с Европой и, шире, с Западом, часто вполне успешные, хотя не всегда афишируемые, не отменяют нужду в военно-политическом «зонтике», который в данный момент Армении может дать только Россия. Встречное стремление России к присутствию на Южном Кавказе, особенно после войны с Грузией, делают этот интерес взаимным.

Однако внешняя политика Армении в значительной мере определяется внутренней, то есть в первую очередь карабахским вопросом. Изменения в этой области если и будут происходить, то очень медленно; всякое внешнее давление, особенно в карабахском вопросе, лишь усиливает сопротивление сложившейся политической системы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Подробно об истории постсоветской Армении см.: Армения: Проблемы независимого развития / Ред. Е.М. Кожокин. М.: РИСИ, 1998.

² *Фурман Д.* Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль—XXI. 2004. № 10.

³ Речь тут идет именно об Армении, а не о самом Карабахе; рассмотрение политического развития в Карабахе лежит за пределами этой статьи.

⁴ *Рябов А.* Возрождение «феодалной» архаики в современной России: практика и идеи // Рабочие материалы. 2008. № 4. М.: Московский Центр Карнеги, 2008.

⁵ *Золян С.* Армения в 2008 г.: феодальная демократия или демократический феодализм // Кавказ-2008. Ежегодник Института Кавказа. Ереван: Институт Кавказа, 2010.

⁶ *Маргарян М., Мурадян А.* Маргинализация в процессе демократизации политической системы: «Цветные революции» (на арм. яз.) // 21-й Век. 2008. № 3 (21). С. 137–157.

⁷ *Мелконян Н.* Политическая мифология в контексте президентских выборов 2008 г. в РА (на арм. яз.) // 21-й Век. 2009. № 2 (24). С. 94–102.

⁸ Подробнее на эту тему см.: *Iskandaryan A.* Armenia-Russia Relations: Geography Matters // Spotlight on Armenia / Adam Hug (ed.). L.: Foreign Policy Centre, 2011 (<http://fpc.org.uk/fsblob/1331.pdf>).